

Конфедеральные ограничения европейской торговли

В конце сентября президент Парагвая Сантьяго Пенья со страниц *Financial Times* выдвинул ультиматум по торговым переговорам между ЕС и МЕРКОСУР (таможенным союзом Бразилии, Аргентины, Уругвая и Парагвая): Европа должна завершить ратификацию соглашения к 6 декабря 2023 года, когда Пенья сменит бразильца Инасиу Лулу да Силву на посту председателя латиноамериканского квартета, в противном случае МЕРКОСУР прервёт переговоры с Брюсселем и обратится к другим направлениям, начиная с Азии.

Стратегическая логика

Предварительное соглашение между ЕС и МЕРКОСУР, достигнутое в июне 2019 года после более чем 20 лет переговоров, не было ратифицировано из-за сопротивления Европы и особенно Франции. В последние месяцы были предприняты попытки выйти из тупика с помощью новых предложений: если кратко, то Брюссель требует соблюдения экологических стандартов, а Бразилиа – меньшей открытости в секторе государственных закупок. Всё это кажется довольно скромным препятствием, когда на карту поставлено создание одной из крупнейших зон свободной торговли в мире с населением около 750 млн человек, на которую приходится пятая часть мировой экономики. Совсем незначительными эти препятствия становятся перед лицом стратегического потенциала проекта, о котором говорится в докладе Французского института международных отношений (IFRI), подписанном Мари Крпата, аналитиком Комитета по исследованиям франко-германских отношений, и Анной Хеленой Палермо, советником центра экономических исследований ZEW в Мангейме. *«Предотвращение формирования двух противоборствующих блоков вокруг США и Китая»*, – вот политическая цель, на которой могли бы сойтись Европа и Латинская Америка.

Экономическое содержание соглашения больше не соответствует ограниченному ярлыку “коровы в обмен на автомобили”, означавшему обмен южноамериканской сельскохозяйственной продукции на европейские промышленные товары. Теперь глобальный цикл ознаменован *электрическим и цифровым сражением*, и это умножает стратегическую ценность латиноамериканского сырья. Неудивительно, что голос МЕРКОСУР стал более настойчивым. В анализе IFRI решающим аспектом является баланс сил: *«ЕС и страны МЕРКОСУР имеют общий интерес в том, чтобы избежать побочного ущерба от растущего китайско-американского соперничества, чтобы оставаться протагонистами в своей промышленной политике и чтобы объединить усилия для активного предотвращения раскола между Соединёнными Штатами и Китаем, который может стать необратимым»*.

Франко-германские трения

IFRI фокусируется на том, как действия в рамках заключения соглашения между ЕС и МЕРКОСУР *«выявляют разногласия внутри франко-германского тандема, столь важного для придания динамике европейского масштаба»*. После двойного удара пандемического кризиса и украинской войны *«Франция и Германия осознали свою уязвимость, то есть свою зависимость от третьих стран, которая, вероятно, будет использоваться в политических целях и которую, следовательно, целесообразно уменьшить, но выводы из этого сделали разные. Германия склонна к диверсификации, в то время как Франция защищает реиндустриализацию и европейский сельскохозяйственный суверенитет»*.

Продолжая линию предыдущего немецкого правительства Ангелы Меркель, канцлер Олаф Шольц назвал соглашение с МЕРКОСУР одним из приоритетов для Европы, столкнувшейся с *глобальной Zeitenwende* (сменой эпох). Это историческая преемственность немецкой дозировки *империалистического либеризма*, которую мы проследили вплоть до *доктрины Геншера* – политики в отношении “развивающихся” стран, которую практиковал в конце 1970-х годов министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер. В последние годы мы неоднократно предполагали, что акцент на *европейском союризме*, который делает президент Франции Эмманюэль Макрон, может дополнять и поддерживать немецкую

линию защиты мультилатерализма. *Доктрина Меркель и доктрина Макрона слились в двойственную европейскую формулу открытой стратегической автономии.*

Парламентские препятствия

Одна из причин нерешительности Франции по отношению к МЕРКОСУР является полностью внутренней, отмечает IFRI. *«На данный момент Макрон политически ослаблен в своей стране: даже если предположить, что сам он лично выступает за это соглашение, было бы иллюзорно надеяться на получение большинства в Национальном собрании».* Чтобы обойти это парламентское препятствие, Берлин предложил *«отделить торговый аспект – ответственность институтов сообщества – от инвестиционного аспекта, который входит в компетенцию государств-членов».* Но неясно, сможет ли подобный компромисс стать для Парижа решающим аргументом.

Уже в сентябре прошлого года журнал *Politico* сообщил, опираясь на источники в европейских властях, что Еврокомиссия ведёт с МЕРКОСУР переговоры *«о разделении соглашения на разные части».* Таким образом, *«торговая часть соглашения будет касаться “только ЕС”, то есть потребует одобрения министров Европейского совета и Европейского парламента, поскольку будет связана только с полномочиями уровня ЕС».* Цель Брюсселя – *«ускорить применение соглашения»*, не дожидаясь ратификации парламентами всех государств-членов союза. *Politico* напоминает о прецеденте СЕТА (торгового соглашения между ЕС и Канадой), которое предварительно вступило в силу в 2017 году, но до сих пор ожидает полной ратификации во многих европейских странах. Может ли это стать прагматичной моделью для реализации крупных соглашений о свободной торговле, пока соответствующие федеральные власти всё ещё находятся в процессе становления?

Федеральная стройка открыта

Первоначально торговая политика Европейского союза, централизованная в федеральных полномочиях одного комиссара, ограничивалась регулированием пошлин, таможенных барьеров и других аспектов, связанных исключительно с обменом товарами. За десятилетия законодательство Европейского сообщества значительно расширило сферу торговли, включив в неё обмен услугами, инвестиционные потоки, права интеллектуальной собственности, правила конкуренции и политически чувствительные сектора, такие как государственные закупки. Расширение полномочий сообщества, институционализированное Лиссабонским договором 2009 года, вызвало необходимость в разъяснении европейского права: являются ли современные торговые соглашения, столь обширные и разнородные, по-прежнему *«исключительной компетенцией»* союза или *«совместной компетенцией»* парламентам государств-членов?

Первый ответ был дан в мае 2017 года Европейским судом и касался соглашения о свободной торговле с Сингапуром (EUFТА). Как мы уже писали, люксембургский суд установил, что EUFТА представляет собой *«смешанное»* соглашение, требующее одобрения парламентами отдельных государств, но это касалось только двух глав: об иностранных портфельных инвестициях, которые не ведут к установлению прямого контроля над компаниями, и о механизме Международного инвестиционного арбитража (ISDS) для разрешения споров между инвесторами и государствами. Но те же самые вопросы остались подвешенными и в следующем европейско-канадском соглашении СЕТА, тем не менее было одобрено его временное применение. Как мы всегда утверждали, в Европе своеобразное сочетание федеральных, конфедеральных и национальных полномочий не столько регулируется официальными договорами, сколько определяется результатом конкретных политических сражений.

Атлантический дисбаланс

В случае чрезмерно затянувшихся переговоров с МЕРКОСУР протекционистское влияние французского агропромышленного сектора на Парламентскую ассамблею Совета Европы, похоже, способно повлиять на линию всего ЕС. Это явная диспропорция, результат неполной централизации федеральных полномочий в области внешней торговли. Как мы видели на примере переговоров по СЕТА, долгое время блокировавшимися парламентом Валлонии

(Бельгия), европейская политика может оказаться заложницей парламентаризма, который, по мнению нашего марксистского анализа, уже полвека находится в *неизлечимом кризисе*. В другом отчёте IFRI директор Торгово-промышленной палаты Германии Клеменс Кобер подчёркивает, что начатое Еврокомиссией антисубсидиарное расследование по делу об импорте китайских электромобилей было желательным для Парижа и решительно противостояло фундаментальным течениям в Германии. Вывод Кобера заключается в том, что *«путь к столь необходимому единому европейскому голосу и стратегии в торговой политике ещё долгов»*.

Оценку объективной трудности поиска франко-германского и, следовательно, европейского консенсуса можно смягчить сравнением с США, по крайней мере в области торговли. Несмотря на большую степень континентальной централизации институтов США, на президентство Джо Байдена, похоже, также влияют определённые черты нового политического цикла в рамках диалектики между Белым домом и Конгрессом. Ярким примером является неспособность вернуться к важному Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП), от которого отказался президент Дональд Трамп, несмотря на давление со стороны ключевых экономических и финансовых групп США. Трудности при заключении крупных торговых соглашений, с которыми сталкиваются Вашингтон и Брюссель, демонстрируют схожие черты *политического нарушения равновесия* в этих державах, которые в более общем плане являются проявлением *атлантического упадка*.

Тест МЕРКОСУР

В рамках наших теоретических разработок вокруг объединения Европы мы оценили шаг по выработке общей торговой политики как очень значимый и уступающий по важности только скачку к федерализму с принятием единой валюты. Однако задачей и характеристикой марксистского научного анализа является отслеживание реального исторического процесса. Так, например, перед лицом “странной войны” Трампа в сфере торговли мы должны были отметить: *«эффективность централизации»* комиссара по торговле Сесилии Мальмстрём *«оказалась более ограниченной консенсусом государств и, похоже, на её действиях сказывается разница в подходах Парижа и Берлина»* (“Пролетарский интернационализм” № 46, июнь 2018).

В более общем смысле *«для марксизма пробным камнем политической централизации является не формальное противоборство между институциональными моделями, а способность данной державы действовать в мировом балансе и сопоставление со всеми другими ключевыми державами»* (La Barbera G. *L'Europa e lo Stato*. Milano: Lotta comunista, 2006). С этой точки зрения, дефицит европейской торговой политики не заканчивается на недостаточной институциональной централизации. В последние годы Брексит нанёс ущерб отношениям с Соединённым Королевством, а украинская война разорвала на обозримое будущее исторические связи с Россией.

Давление США подрывает амбиции Европы по достижению автономии в отношениях с Пекином, о чём свидетельствует её выход из Всеобъемлющего инвестиционного соглашения (CAI). Другие войны усложняют проекцию на южное побережье Средиземного моря и в Африку, где уже распространяется влияние Китая. Для Европы, которая кажется загнанной в угол, многолетняя инициатива в отношениях с МЕРКОСУР приобретает новое стратегическое значение и станет испытанием огромной важности.

Октябрь 2023 г.